

Мальчишка блокадной поры, выросший в доме с окнами на канал Круштейна, моряк, сделавший выбор на всю жизнь. И вдруг — писатель, успевавший последние двадцать пять лет между изнурительными порой рейсами приносить в издательства свои рукописи, а потом поражать искушенного читателя путевыми заметками, воспоминаниями о войне, блокаде. Когда в 1957 году в Ленинградском отделении «Советского писателя» вышла его первая книга «Сквозняк», Конечский уже не раз прошел Северным Морским путем, участвовал в знаменитой, уникальной проводке сейнеро-малюток из Петрозаводска на Камчатку. Но пройдет еще четыре года, прежде чем испытанный Ледовитым океаном судоводитель Конечский попадет в свой первый литературный шторм. Тогда на суд читателей и критиков была представлена повесть «Завтрашние заботы». Возвращаясь в ней к единственному в мировой практике перегону малых рыбо-

ловцев сейнеров, Конечский-моряк берется осмыслить факт и как писатель. И... вызывает на себя «огонь» критики. Одна из статей даже называлась «Робкие мужчины». Но неожиданно в этой дискуссии прозвучал «посторонний» голос. Раздался он со страниц журнала «Знамя», где впервые были напечатаны «Завтрашние заботы». И подали этот голос не литературоведы, а «чернорабочие» Арктики — полярники. Люди, которые ближе всего стояли к героям Конечского. Не отрицая, что повесть несвободна от недостатков, они считали ее удачной попыткой.

Когда полярников, возвращавшихся нынешней весной из Антарктиды после пережитого на Востоке пожара, спросили: «Что читали!», все в один голос просили сказать спасибо Виктору Конечскому за его хорошие книги о странствиях, за «Соленый хлеб», за «Рассказы Петра Ниточкина».

начинался минимальный паек мидженца. Он меня и «закалывал». Будь мой день рождения в декабре — думаю, что не выжил бы. Вот поэтому моя особая привязанность к писателям моей судьбы, моего поколения. Никто из них так и не смог уйти в сторону от военной темы. А ведь в ней очень трудно ощутить в себе и сохранить потом на бумаге баланс красоты воинской героики, воинского братства, с одной стороны, и ужас, мерзость, грязь войны, с дру-

— Молодежь?.. Признаться, современную знаю плохо. Чтобы ее понять, надо изучать. Перевоплотиться сейчас в восемнадцатилетнего и написать о сверстниках, думаю, невозможно. Детей у меня нет. Вот и получается, что основной человеческий материал моих книг — я сам, старшее поколение. О младших писать просто боюсь. Но если они берут для себя что-то из моих книг — в добрый час.

— А не боитесь отстать от времени, потерять его ощущение?

— Думаю, что нет человека, который бы издавался, писал книги и вдруг бросил бы литературу. А что касается времени, то ведь мое поколение в нем играет еще заметную роль. Хотя согласен, что сходить тоже надо вовремя. Но это очень сложно в литературе. Вот даже Хемингуэй не смог этого сделать.

За окном — только крыши. Предлагаю своему собеседнику совершить прогулку, оказаться в любимом месте Ленинграда.

И вдруг категоричное:

— Гулять терпеть не могу. А вот в море хоть сейчас. Недавно провожал друга, капитана дальнего плавания Льва Аркадьевича Шкловского. Дружим с пятьдесят третьего, познакомились, оказавшись в одной пельне в море Лаптевых. И душа заняла, но...

— Значит, и не будет новой книги о морских странствиях?

— Нет, будет. И опять про Арктику, в которой я бывал много раз. Заключительная книга путевого романа о последнем моем переходе Северным путем будет называться «Пройденного пути от нас не отберешь». Тогда, в семьдесят девятом, нас встретили непроходимые льды. И тогда со многими судами в районе Певека произошло то же самое, что и нынешней осенью. Наш лесовоз попал в тяжелый ледовый дрейф. Только в первом трюме мы получили пять пробойн. Это случилось в год моего пятидесятилетия. Испытание не из легких, хотя мне и доводилось быть в разных переделках. Вот об этом арктическом эпизоде и будет новая книга. И что интересно — в ней не будет ни одного отрицательного героя. И это не компромисс. Чтобы выстоять, в борьбу за жизнь пришлось вступить, проявив себя, каждому...

— И все-таки — романтика моря и писательское ремесло. Что первичнее, что захватывает больше, ведет по жизни?

— На могиле первого русского пловца вокруг света, флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского выбита эпитафия. Он сочинил ее себе сам:

Прохожий, не тужи о том, кто кинул якорь здесь. Он взял с собою паруса, под коими взлетит в предел небес.

Даже на тот свет забрал паруса! Конечно, и романтик!

Настоящие моряки всегда смотрели и смотрят на море как на труд и заработок, хотя любопытство и фантазия также существуют в них. Но это разные — даже не параллельные — штуки... Судьба сбросила меня со скалы в море. И я ценю непредставимых мук выплыл. Как же мне не любить море, не благодарить его? Это уже не романтика, это жизнь как она есть.

С гостем встречался
Ю. КОВЕШНИКОВ
Фото А. Нинолаева

„Пройденного пути от нас не отберешь“

Воскресный гость «Смены» — писатель Виктор Конечский

же кажется, что от мачт и рей — строгость ленинградских проспектов и набережных...

Квартира Конечского — на Петроградской, на самой верхотуре дома литераторов. За окном — живые огоньки соседней. Еще совсем недавно подолгу не гас свет у Федора Абрамова. И странное ощущение, далекое от того, какое может возникнуть на капитанском мостике корабля. Лишь тугие скрутки морских карт и висящая за спиной у рабочего стола карта Кронштадта напоминают о штурманской принадлежности обитателя квартиры.

— Карты — мое пристращение, — поясняет мне Виктор Конечский. — На них не только маршруты моих морских и океанских странствий. Маршрут моей жизни. Правда, некоторые читатели считают, что писатель в море не работает, а путешествует. И сравнивают его писания с «Римом, Неаполем и Флоренцией» Стендаля или «Бродячей жизнью» Мопассана. От такого сравнения остается

бедняге один путь — за борт. А кто же в таком случае за уполномоченного будет вахту стоять?..

А я очень хорошо представляю один из переходов в 210 суток и «собачьи вахты» с нуля до четырех. И кроме заполнения вахтенного журнала с глазоной заповедью: «Пиши, что наблюдаешь!», еще и свой собственный писательский дневник. Тот самый, после публикации которого еще жди и неприятностей. Ведь кому докажешь, что и в нем автор тоже следует неписаному правилу ведения вахтенного журнала. Может быть, отсюда требовательность и возыскательность к своим героям, к самому себе. Отсюда их сложность и неординарность.

Интересно было, что за рукописи представляет очередной чистый лист, заложивший в издавшую виды машинку?

— Позвонили из «Литературки», просят откликнуться на дискуссию о языке. Сел писать статью, вернувшись от врача. И вот что пришло на ум: раньше приходишь к доктору, он тебе: «Покажите

язык». И все ему ясно. Теперь долго опрашивают. Но результат порой тот же. Наверное, так же и у писателей. Все ясно по языку. Бывает ведь, что писатель его «проглатывает», а порой выясняется, что его нет и вовсе.

— А кто из писателей вам больше всего по душе?

— Чехов как личность, хотя кое-кто и говорит, что «Степь» — повесть скучная. Классиков читать люблю. Они возбуждают. Современные — иногда вызывают зависть. Но чтобы так же взбуждали и толкали к машинке — нет. Восхищаюсь Фазилем Искандером. Наполовину перс, наполовину абхазец, а может выразить на русском языке тончайшие оттенки души. Вот тут по-настоящему позавидую!

Я отношу себя к поколению военных мальчишек. И еще — блокадных: выжил я исключительно потому, что 6 июня сорок первого года мне уже исполнилось двенадцать — тот возраст, с которого

гой. Вот это сложнейшее баландирование удавалось Виктору Курочкину...

А мне вспомнилась повесть Конечского «Кто смотрит на облака». История блокадного почтальона. Так ее рассказывать мог только человек, сам переживший все это. Рассказывать горячо, нежно, с любовью и верой в жизнь.

— Книгу Курочкина «На войне как на войне» считаю одной из лучших в этой теме. Юрий Казаков, Виталий Семин. Виталия мальчишкой угнали в фашистскую Германию. Его «Нагрудный знак Ост», «Плотину» считаю лучшими произведениями современности. Вот судьба — никого из них уже нет в живых, но свой писательский долг они выполнили честно. Семин ушел из жизни, поставив последнюю точку в «Плотине».

— В «Третьем лишнем» вы не раз упомянули Валентина Пикуля. В частности, именно он в пятидесятых привел вас в литературное объединение при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель». Что вы скажете о его книгах?

— С Валентином Пикулем с 1945 года мы служили в одной роте. Я старым товарищам не изменяю. И хотя он иногда путает пассаты с муссонами и вообще пишет то-ропливо, но, думаю, книги его полезны — они будят интерес к истории России...

Замечая, что библиотека моего собеседника сравнительно невелика.

— Книжки не собираю, а в основном раздариваю. Дома храню только справочные да любимых авторов. Люблю, чтобы все было под рукой, и еще ни разу для уточнений не обращался в библиотеку.

— А как относитесь к книжному буму, который никак не стихает?

— Книжный бум тяжело скажется на уровне самой литературы. Книжный рынок всегда объективно оценивал писателя, контролировал качество литературы. Теперь почти любой писатель раскупается, нет читательского критерия...

— Виктор Конечский, хорошо знаю, что ваши книги читают люди разных поколений, нравятся они и молодежи. А как вы сами относитесь к ней?